

ИННОКЕНТИЯ СМОКТУНОВСКОГО НА ВОЙНЕ ОТ СМЕРТИ СПАСЛА МОЛИТВА

В издательстве «Художественная литература» вышла книга Анатолия Кима «Гений», посвященная знаменитому актеру

Анатолий Ким, известный прозаик, драматург и переводчик, выпустил небольшую повесть о своей дружбе с Иннокентием Смоктуновским. Она началась в начале 70-х, когда Киму было 33 года и его никто не знал, а Смоктуновский уже был одним из самых знаменитых актеров СССР.

«Смотрел на отца и плакал»

Иннокентий Смоктуновский рассказывал:

- Мне много приходилось видеть самого жуткого на войне. Когда она началась, я еще учился в школе, в десятом классе. Отца в первые же дни забрали на фронт. Он у меня был большой, рыжий детина под два метра. Работал грузчиком. Когда колонна мобилизованных шла по улице к вокзалу, отец шел с краю правофланговым. Я бежал рядом и почему-то плакал, смотрел на отца и плакал. Отец не оглядывался, меня вроде бы и не видел, но вдруг вышел из строя и пошел прямо на меня. Остановился, очень строго посмотрел мне в глаза и сказал: «Ты чего? Смотри у меня!» - повернулся и опять возвратился в строй. С того дня я отца больше не видел. Он погиб в сорок втором году. А меня самого в 16 лет военкомат отправил на войну, правда, полгода готовили на командирских курсах, а потом отправили на фронт.

Баланда, которую не ели даже крысы

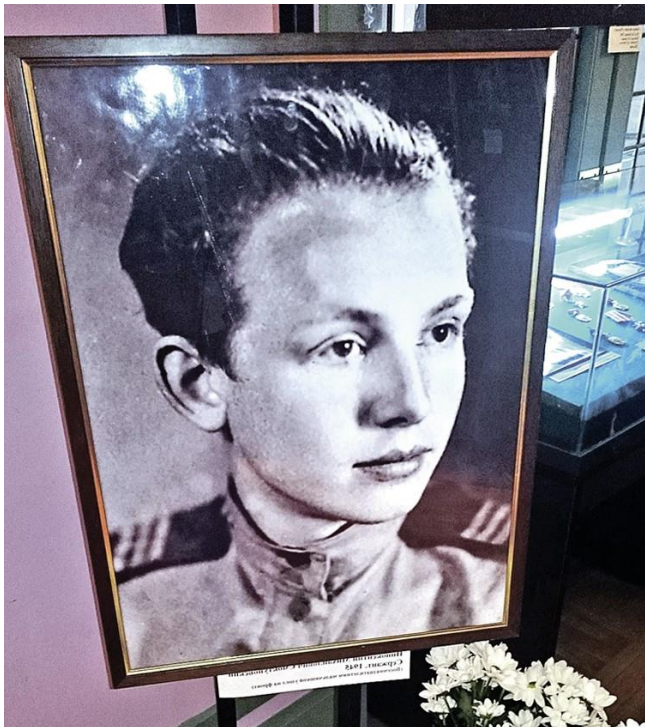
- Я попал под Сталинград на Курскую дугу, там нас, пехоту, немцы окружили и взяли в плен. Отогнали от линии фронта и поместили в лагерь для военнопленных. Это было огромное выгороженное место

Шедевр отечественного кино, фильм Эльдара Рязанова «Берегись автомобиля». В ролях: Иннокентий Смоктуновский, Олег Ефремов, Андрей Миронов, Георгий Жжёнов, Анатолий Папанов и др.

в чистом поле. Никаких барачков, просто кусок ровной степи, огороженный колючей проволокой. Вокруг со всех сторон горизонт под линейку. У въезда какие-то строения, бараки для охранников. А пленных было тысячи. Уже пришла осень, холодные дожди начались, а мы под открытым небом. Рыли руками, щепками, котелками ямы, садились в них, сверху накрывались шинелью.

Ямы надо было рыть ровными рядами, немецкий порядок. Немцы ходили по рядам с автоматами в руках, считали нас по головам. Каждый в яме должен был подниматься и стоять навтыжку, когда патруль приближался. Кто не поднимался, болен был или без памяти, или уже мертвый, получал короткую автоматную очередь, и двое шнырей из пленных должны были оттащить убитого за руки или за ноги к вахте, там бросить в общую кучу трупов. Один пленный, недалеко от меня, вырыл очень глубокую яму, а сбоку еще и пещерку, куда забирался с головой, прятался от дождя, и чтобы теплее было. И вот патруль подошел, немцы постояли, посмотрели вниз, потом один вытащил гранату, бросил в яму, все шарахнулись в сторону, присели, а граната грохнула и похоронила пленного в его собственной яме.

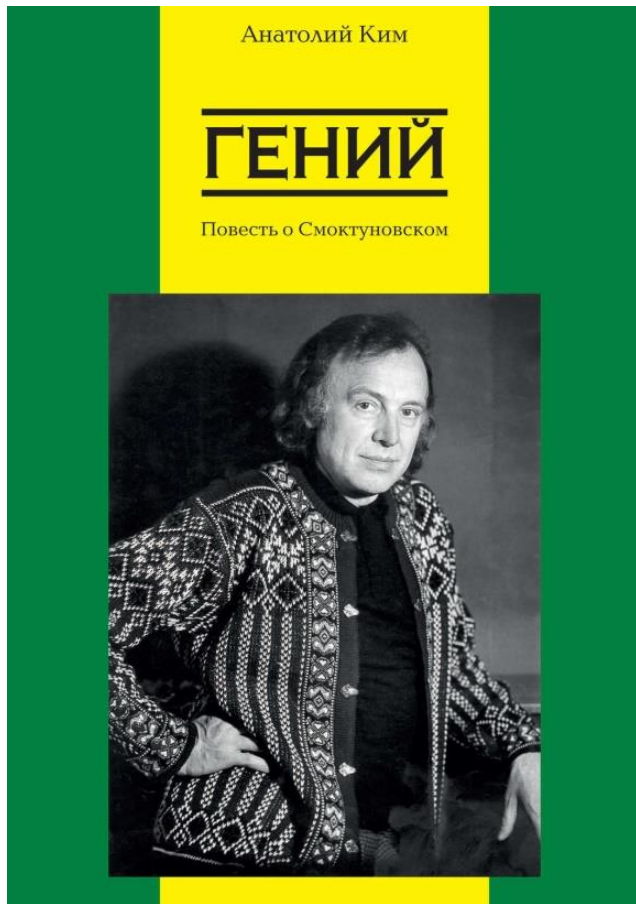

Юный сержант Смоктуновский. Иннокентий ушел на войну 16-летним. Фото: Анастасия ПЛЕШАКОВА

Я заболел дизентерией. Кормили нас такой ужасной баландой, что ее не хотели жрать даже крысы, которые стаями бегали по лагерю. Я вынужден был сидеть в яме с приспущенными штанами, потому что из меня непрерывно хлестало, хотя я почти ничего не ел. К баланде, которую приносили в огромных бадьях на палке, я и не подходил.

Как-то я увидел у одного из шнырей, которые помогали немцам, в руке буханку хлеба. Эти пленные, собиравшие по лагерю трупы и таскавшие их к вахте, выглядели лучше остальных, немцы их подкармливали. Этот шнырь заметил, как я смотрю на его хлеб, и предложил мне обмен. Он отдает буханку, а я - свои сапоги. Я пришел на фронт совсем недавно, сразу же попал в плен, и у меня были почти новые крепкие сапоги. А у этого солдата на ногах были резиновые чуни из автомобильной камеры. Вот и предложил мне обмен: он отдает мне чуни с обмотками, а себе забирает сапоги, но в придачу отдает буханку черного хлеба. Обмен я этот тут же совершил, сапоги отдал, обернул ноги грязными обмотками и натянул чуни. Хлеб положил за пазуху, хотел щипать маленькими кусочками,

чтобы растянуть надолго, но не вышло. Как только отщипнул первый кусочек и положил в рот - так и не заметил, что было дальше. Опомнился, когда весь хлеб был съеден. И что тут началось! Все съеденное вылетело из меня жидкой дизентерией, я чуть не помер.

Книга Анатолия Кима «Гений».

Шествие обреченных

- А чуни эти меня крепко подвели. Наши пошли в наступление, и немцы решили перегнать пленных подальше от линии фронта. Нас построили по пятеркам в длиннущую колонну и погнали. Недалеко был захваченный немцами в летнем наступлении наш армейский склад амуниции, колонну подогнали к нему и на каждого пленного натянули по две шинели. Видно, вывезти трофеи у немцев не хватило машин и они решили использовать пленных. Мы шли колонной по пять, одетые в новенькие красноармейские шинели нараспашку. Я уже доходил от дизентерии, в глазах все плыло. Видел перед собой спины впереди идущей пятерки. И вдруг заметил, что когда от слабости я на какое-то время закрывал глаза, а потом открывал их - из заднего ряда на мое

место в переднем ряду, от которого я отставал, быстро проскакивал кто-нибудь из задней пятерки и занимал мое место. А я оказывался на ряд ниже по колонне. Через некоторое время у меня снова в глазах плыл туман - и снова я оказывался в следующем ряду сзади. А скоро я очутился в последних рядах колонны, вернее, там уже никто рядов не придерживался и шли вперед, хватая руками воздух, хрипя и шатаясь, с безумными лицами доходяги.

И тут Смоктуновский стал показывать, в едином своем лице изображать шествие обреченных доходяг. Показывал он страшно (...)

- Я понял, что оказался в хвосте колонны, где скопились погибающие, потерявшие все силы. Тут услышал близкие выстрелы, оглянулся и увидел, как едут сзади две телеги, запряженные лошадьми. На эти телеги забрасывают шинели, снятые с упавших на дорогу пленных. Потом подходят к ним и пристреливают и оставляют на снегу дороги. Она далеко просматривалась и вся была в темных лежащих трупах. Как только я все понял, то откуда только силы взялись - начал рваться вперед, обгонять других и вскоре догнал уже задние ряды пятерок. Но и тогда я продолжал рваться вперед, занимая место в передней пятерке, как только образовывалась там пустота после отставшего. И вскоре я

оказался далеко от страшного арьергарда колонны. Мне ведь было 17 лет и не хотелось умирать.

**Народный артист СССР
Иннокентий Смоктуновский
(1925-1994):**

— Я, может, и жив только потому, что верую в Господа. Я через все тяготы войны прошел, когда со мной ну только смерти не было, она просто случайно мимо прошла. Он, наверное, берег меня для каких-то маленьких моих свершений — Мышкина, Гамлета, Чайковского, Деточкина, царя Федора.

Источник: «Неопознанный мир веры», митр. Тихон Шевкунов

он спускался сверху, то скатился по сугробу по моим следам и сравнял их. Когда он вернулся наверх, колонна уже тронулась. Но с другого края моста спустился на берег офицер с пистолетом в руке. Шинель мышинового цвета, одна пола заткнута под ремень. Он ступил на лед, поскользнулся и упал на колени. Пистолет вышибло из руки и прокатило по льду мимо меня. Офицер быстро пополз за ним, не стал даже подниматься с четверенек. Только тогда поднялся, когда догнал пистолет. Стал оглядываться, но с того места, где он находился, меня уже не мог увидеть, я был в мертвом пространстве, за сваями.

Случай под мостом

- А после было вот что. Колонна вдруг остановилась. Причина была непонятна. Голова колонны уходила так далеко вперед, что ее не разглядеть. Место задержки моей части колонны оказалось на мосту через какую-то небольшую речку. И тут я почувствовал, что страшно хочу пить. Внутри все горело. Я понял, что не смогу дальше идти, если не попью. Я подошел к конвойному немцу. Камрад, сказал я, камрад! Тринкен! Немец на меня посмотрел, ничего не ответил и только махнул рукой, сняв ее со ствола автомата. Мол, иди. И я вышел из колонны и пошел вниз по крутому берегу с нашей стороны моста. Снегу было по колено, и я сошел вниз без труда, не упал.

Внизу, выйдя на лед, я захотел разбить его ногой, но не тут-то было. Ноги мои были в резиновых чунях, к тому же я совсем ослаб от болезни, сил не хватало на хороший удар. Стою и плачу. Тут сверху спустился еще один солдат. Он разбил ногой лед, и мы попили. Я ему говорю: брат, я не дойду. Спрячь меня под мостом. А там стояли бревенчатые сваи, и вокруг бревен водой нанесло много мусора, камыша, сена, веток. Я прижался спиной к одной свае, но солдат испугался и быстро убежал назад. Когда

И тут я стал молиться. Господи, спаси! Господи, помилуй! Офицер с пистолетом в руке полез наверх с моей стороны моста, назад на свою сторону не пошел, побоялся идти по льду. Колонна уже шла через мост*.

***

На этом месте своего рассказа Смоктуновский прервался, глубоко задумался, потом выпустил из рук руль и широко перекрестился.

- Господи! Воистину ты существуешь, - с глубоким

чувством произнес он. На секунду зажмурился, совершая крестное знамение, - так показалось мне. Я осторожно покосился на спидометр: машина шла под сто километров по ледяной дороге. Осторожно, ровным голосом я произнес:

- Руль, Иннокентий Михайлович...

- А? Что? - немного переигрывая, «пришел в себя» Смоктуновский.

- Руль держите...

- Вы про это. - Он положил руки на руль. - Но я вам уже говорил.... Не забывайте, с кем вы едете. Какая-то Высшая Сила всё время спасала меня на войне. Я ни разу даже не был ранен. А ведь приходилось иногда под самым носом смерти плясать. Я много раз смотрел ей в лицо. И я знаю, что нас только Бог спасает. Мы сами ничего не можем...

Текст подготовил **Денис КОРСАКОВ**

Источник: <https://www.kp.ru/daily/26617.3/3633490/>

* Иннокентий Смоктуновский:

- Я верую не потому, что тогда спасся, я веровал и раньше, когда ещё никто не шел ко мне с парабеллумом в руке. Вот другой пример, может быть, дешево-иллюстративный, тем не менее. До войны я жил у тетки, мне было шесть лет, в какой-то праздник она дала мне 30 рублей: «Пойди в церковь, отдай на храм». 30 рублей! Я помню, они были такие длинные, красненькие. Я не знал тогда, что существовали 30 сребреников, и тетка, хотя и верующая, этого не знала, Библию тогда нельзя было держать, за это карали. А мороженое, которое я так любил, стоило 20 копеек. На эти деньги года полтора можно есть мороженое! Нет, не отдам я 30 рублей каким-то тетям и дядям в храме. И с зажатым кулаком я оказался около церкви. Зашел внутрь, там было так красиво, я стоял весь разомлевший, а потом легко подошел к служителю и сказал: «Возьмите на храм, возьмите, пожалуйста».

Без веры человек не вышел бы из лесу, хрюкал бы, выл... Свинья — это хорошо, это замечательно, но все-таки разума у неё нет, а у нас помимо разума есть и душа. Источник: «Неопознанный мир веры», митр. Тихон Шевкунов

Иннокентий Смоктуновский – в роли Юрия Деточкина в фильме «Берегись автомобиля»